

— Ты так доверил мне свою жизнь, что если бы я не признал тебя, то разве не стал бы тираном?

Хань Чжэн рассмеялся, отпуская Чу Яня. Добраться сюда, едва держась на ногах, для него уже было пределом возможностей.

Чу Янь увидел, что тот всё ещё стоит на коленях, и тихо произнёс:

— Вставай.

Хань Чжэн, с которого градом катился холодный пот, попытался подняться, но перед глазами всё поплыло, и он без сил рухнул вниз.

По случайности Чу Янь находился совсем рядом, и Хань Чжэн упал прямо в его объятия. Это происшествие застало Чу Яня врасплох — он даже не успел войти в роль, как в этот момент маленький евнух ввёл в покои Линь Цзиньчжи.

Чу Янь: «...»

Система: «...»

«Слушай меня! Слушай! В этот раз я правда не при делах!»

«Ха-ха».

«Чёрт возьми, Хань Чжэн даже перед потерей сознания решил подставить меня! Испортил всю малину!»

«...В каком смысле подставил?»

«Навесил на Линь Цзиньчжи рога».

Система схватилась за сердце, чувствуя, что в её программе что-то сломалось: ей вдруг захотелось посмотреть, какое представление разыграется дальше.

— Что делают Ваше Величество и Хань Чжэн? — Лицо Линь Цзиньчжи помрачнело.

Чу Янь в такой ситуации объясняться не собирался. Напротив, он решил воспользоваться моментом и, как того и желал, ответил:

— Ровно то, что ты видишь.

Двое мужчин смотрели друг на друга с такой ненавистью, что сопровождавший Линь Цзиньчжи евнух перепугался до смерти. Его ноги задрожали, он едва мог стоять.

Линь Цзиньчжи стиснул зубы:

— Вон!

Евнух поспешил ретироваться, боясь попасть под горячую руку.

Линь Цзиньчжи направился к Чу Яню, но тот не желал его видеть и отвернулся:

— Не хочу сейчас на тебя смотреть.

Гнев закипел в душе Линь Цзиньчжи, ревность, словно червь, вгрызалась в его сердце.

Почему...

Почему в конце концов доверие Чу Яня завоевал именно Хань Чжэн?

Он едва сдерживался, чтобы не потерять рассудок, и сделал ещё шаг к Чу Яню:

— Сяо Чэнь, что именно я должен сделать, чтобы ты меня простил?

Чу Янь промолчал, лишь поднял Хань Чжэна с пола:

— Разве я могу простить? Скажи мне, как мне тебя простить?

Линь Цзиньчжи почувствовал во рту вкус крови, наблюдая, как Чу Янь укладывает Хань Чжэна на кровать.

— Почему Хань Чжэн без сознания?

— ...Он немного истощён.

Чу Янь ответил двусмысленно, и лицо Линь Цзиньчжи тут же позеленело.

Оставаться здесь дольше означало для него захлебнуться собственной кровью. Весь напряжённый, он поклонился Чу Яню и молча вышел из покоев.

«Наконец-то ушёл... У меня руки дрожали, когда я его нёс, тяжёлый, как чёрт знает что».

«...Нарушение образа, минус баллы».

«Нет-нет, совсем не тяжёлый! Совсем! Я полон доблести и отваги, подумаешь, какой-то Хань Чжэн, я и десятерых таких унесу!»

«Ха-ха, ну давай, попробуй».

«QAQ, я больше не буду».

Система отчитала его: «Сразу в кусты, где твоё достоинство?»

Чу Янь, мысленно препираясь с Системой и попутно поддразнивая её, с мастерской актёрской игрой посмотрел на лежащего Хань Чжэна.

Он коснулся его лба:

— Лоб такой горячий...

Понимая, что делать нечего, Чу Янь приказал позвать лекаря.

Подготовка к поездке в храм Ханьшань началась в спешке: путешествие императора — дело нештучное, всё должно быть продумано до мелочей.

Хань Чжэн, оставшись во дворце под присмотром опытных лекарей, поправлялся намного быстрее обычного человека.

Чу Янь действительно поверил Хань Чжэну. В конце концов, тот сдержал своё слово и доверил ему свою жизнь — у Чу Яня не было причин сомневаться.

И это чувство было по-настоящему приятным.

— Чувство того, что ты не один.

Хотя Хань Чжэн был ещё слаб, он часто видел, как Чу Янь сидит с книгой, время от времени поднимая взгляд и мягко улыбаясь ему:

— Дядюшка.

Солнечный свет падал на него, делая чайный оттенок его глаз ещё светлее, а кружащиеся в воздухе пылинки окружали его сиянием, от которого Хань Чжэн не мог оторвать глаз.

— Дядюшка, почему ты так на Меня смотришь?

— Ваше Величество, не называйте меня больше дядюшкой.

Чу Янь приподнял бровь:

— А как тогда? Братец?

От этого слова лицо Хань Чжэна залилось краской, а сердце наполнилось жаркими, неуместными чувствами.

— Лучше... лучше всё же называйте меня дядюшкой.

Чу Янь тихо рассмеялся, находя такие подколы весьма забавными.

Пока он не видел Линь Цзиньчжи, его душевная боль отступала.

Поездка в храм Ханьшань была назначена на завтра.

Хань Чжэн ещё не выздоровел, и Чу Янь хотел оставить его во дворце, но тот опустился на колени у его ног и слёзно просил позволить ему сопровождать императора.

Раз уж он сам так настаивал, Чу Яню пришлось согласиться.

С наступлением сумерек по дворцу поползли слухи о том, что тяжело раненый Хань Чжэн остался ночевать в покоях правителя.

Придворные, привыкшие угадывать мысли императора, решили, что Его Величество положил глаз на Хань Чжэна, раз уж в его огромном гареме не было ни одной наложницы. Другие шептались, что император просто использует генерала Чжэньюаня, чтобы сбалансировать силы при дворе.

Однако никто не знал правды — она была известна лишь тому, кто находился в глубине дворца.

Когда Чу Янь оставался один, он часто не мог уснуть, и тогда Хань Чжэн приходил, чтобы, как обычно, спеть ему песню.

— Дядюшка, поёшь ты, прямо скажем, ужасно...

На суровом лице Хань Чжэна промелькнула мягкость:

— Зато Ваше Величество любит слушать.

Чу Янь уже начал клевать носом:

— Из родных у Меня остались только ты да Синь-эр... Но Синь-эр всегда боится Меня, у Меня совсем не осталось близких...

Улыбка на губах Хань Чжэна угасла, сменившись горечью.

Как он мог не понимать, что Чу Янь доверяет ему лишь как родственнику?

Если бы в детстве его не усыновила семья Чжан, что бы он ни делал, Чу Янь не удостоил бы его и крупницей сострадания.

Глядя на спящего правителя, Хань Чжэн тихо удалился.

Но песня, которой научил его император — «Горы есть деревья, деревья есть ветви, сердце любит тебя, но ты не знаешь» — для кого она?

Кем бы ни был этот человек, это точно не он.

Хань Чжэн вспомнил Линь Цзиньчжи и горько усмехнулся.

Каждый раз, когда он пел, в глазах Чу Яня появлялась пелена.

Наверное, он пел её для него.

Хотя Хань Чжэн никогда не читал подобных витиеватых стихов, он... всё понял.

На следующий день Чу Янь проснулся рано.

Поскольку официально поездка была совершена ради молитвы за благополучие государства Сяо, а не в память об усопшей матери, слуги облачили его в роскошные, многослойные одежды.

В государстве Сяо чёрный цвет считался цветом величия, поэтому для ритуалов всегда выбирали тёмные тона.

Чу Янь выглядел величественно, чем привёл окружающих в полный восторг. Чёрный воротник был расшит сложными древними узорами из золотых нитей, угольно-чёрные волосы свободно ниспадали, а поверх всего был накинут халат с облачным орнаментом. Подол одежды волочился по земле, придавая его походке текучесть и грацию.

Лицо Чу Яня оставалось холодным, без единой тени улыбки, его облик был острым и благородным.

Он был хорош собой от природы, а в таком наряде притягивал все взгляды.

Восхищение.

Другого слова, чтобы описать чувства окружающих, было не найти.

Лишь когда Хань Чжэн кашлянул, слуги поспешно опустили головы, боясь, что их оцепенение перед императором выйдет им боком.

— Поехали.

— Выезд императорского кортежа!

Раздавались выкрики евнухов, и хотя свита Чу Яня была невелика, само зрелище внушало трепет.

Чу Янь сидел в паланкине, который мерно покачивался в пути.

Весь город пал ниц, освобождая дорогу императору.

В толпе Линь Цзиньчжи склонился до самой земли, глядя на Хань Чжэна, который ехал верхом

рядом с паланкином, защищая правителя. Его сердце разрывалось от ревности и тьмы.

Почему... почему ты веришь только ему?

В этот момент Линь Цзиньчжи охватило жгучее раскаяние: зачем он когда-то выбрал Хань Чжэна и дал ему шанс попасть во дворец и встретиться с императором?

Огромное сожаление нахлынуло на него, и Линь Цзиньчжи сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Он сам подсунул себе соперника в любви — теперь уже слишком поздно.

Когда они покинули город, людей в пригороде стало меньше.

Храм Ханьшань находился к югу от столицы, путь занимал около двух дней.

Чу Янь в паланкине клевал носом.

К вечеру, когда они приближались к временному дворцу, гонцы уже передали приказ приготовить мягкие одеяла и окурить покои благовониями. Поскольку Чу Янь посещал храм ежегодно, временный дворец начали строить ещё в прошлом году, и закончили совсем недавно.

— Ваше Величество, здесь, конечно, не так роскошно, как во дворце, но всё же лучше, чем спать в палатке.

— М-м, — безразлично ответил Чу Янь.

Слуг он взял мало, а одежда на нём была слишком сложной. Чу Янь, чувствуя неудобство, указал на одного из сопровождающих:

— Ты, найди служанку, чтобы помогла Мне переодеться.

Солдат был из людей Хань Чжэна, и, увидев, что император выбрал его, мгновенно покраснел:

— Слушаюсь!

Солдат пулей вылетел из покоев, и вскоре из-за спины Чу Яня появился человек.

Чу Янь подумал, что солдат оказался весьма расторопным.

Он слегка прикрыл глаза, чувствуя, как человек за его спиной обхватил его за талию и начал развязывать пояс.

Чу Янь тут же открыл глаза и обернулся:

— Дерзость!

В чёрных глазах Линь Цзиньчжи застыл иней:

— Разве Ваше Величество не желали, чтобы кто-то помог вам переодеться? Я готов сделать это собственноручно.

— Как ты сюда пробрался?

— Я был здесь всё это время.

Пояс Чу Яня уже был в руках Линь Цзиньчжи, и одежды распахнулись. Сложный крой наряда подчёркивал изящество его фигуры, делая его похожим на нефритовое изваяние. В свете ламп красота Чу Яня стала ещё мягче.

Взгляд Линь Цзиньчжи стал безумным, он выкрикнул, полный боли:

— Почему я люблю тебя, а ты защищаешься от меня и веришь только другим...

Чу Янь опустил глаза, его губы побелели:

— Нужно ли спрашивать?

Линь Цзиньчжи замолчал.

Конечно, он знал — Чу Янь боялся снова ему довериться.

В прошлый раз он подарил ему тепло, а затем столкнул в ад.

И теперь, когда он протягивал руку Чу Яню, находящемуся в аду, для того это выглядело лишь как тонкая паутинка, приманка, которая кажется спасением, но на деле порвётся, стоит лишь сжать её в руке.

Тело Линь Цзиньчжи дрожало, он не мог вымолвить ни слова.

Но он не хотел смириться... он был до крайности не согласен.

— Почему Хань Чжэн? Почему именно он?

— Кроме него, кто у Меня остался, кому Я могу доверять?

В этот момент снаружи раздался шум. Лицо Чу Яня ожесточилось, он услышал крики об убийцах.

Ветром задуло свечи, и Линь Цзиньчжи инстинктивно посмотрел на Чу Яня. В лунном свете его лицо казалось холодным, а фигура — такой хрупкой.

Чу Янь выхватил меч, висевший у изголовья кровати, и произнёс:

— Ты не владеешь боевыми искусствами. Если здесь убийцы, встань у Меня за спиной.

Линь Цзиньчжи замер. Он хочет защитить его?

Он, на самом деле, хочет защитить его!

На лице Линь Цзиньчжи появилась улыбка, словно сердце окунули в тёплую воду.

В последнее время он был слишком зависим от Чу Яня. Каждое его движение, каждое слово заставляли его чувства метаться от горя к радости.

Убийца ворвался в комнату. Боевые навыки Чу Яня были не так хороши, чтобы противостоять атаке. Убийца действовал ловко, используя короткий кинжал, а длинный меч Чу Яня лишь мешал.

— Осторожно!

Убийца нанёс удар прямо в переносицу. Чу Яню было не увернуться, и он крепко зажмурился.

Раздался глухой удар. Открыв глаза, он увидел, что Хань Чжэн прикрыл его собой.

Лицо Чу Яня изменилось, он видел, как Хань Чжэн вступил в схватку с противником:

— Уходи!

Чу Янь вдруг что-то понял, его лицо стало мертвенно-бледным:

— ...Почему до сих пор никто не пришёл на помощь?

Линь Цзиньчжи тоже догадался. Он потянул Чу Яня за собой:

— Сначала уйдём отсюда!

Хань Чжэн был ранен, поначалу он теснил врага, но из-за потери сил начал сдавать позиции. Чу Янь пытался уйти, но убийца не давал им скрыться.

В этот момент в комнату ворвался другой человек и, воспользовавшись тем, что Хань Чжэн был занят, нанёс ему удар мечом в спину.

В тусклом свете луны Чу Янь широко открыл глаза, видя, как из тела Хань Чжэна хлынула кровь. В ушах зазвенело.

— Хань...

Тело Хань Чжэна рухнуло. Если бы он не был ранен, разве могли бы двое убийц так легко с ним справиться?

Чу Янь не успел даже крикнуть, как тот уже лежал в луже крови.

Два убийцы тяжело дышали:

— Генерал Хань, хоть и ранен, но так же отважен, как о нём говорят. Если бы ты не пришёл на помощь, мы бы не справились с заданием.

Они шаг за шагом приближались к Чу Яню, но Линь Цзиньчжи развернулся и встал перед ним.

Чу Янь был потрясён — он не ожидал, что Линь Цзиньчжи рискнёт жизнью ради него.

— Отойди!

Линь Цзиньчжи рассмеялся, его взгляд был необычайно мягким:

— Я знаю, что Ваше Величество ненавидит меня, и я должен был умереть. Но я обещал вам, что никогда не уйду из жизни раньше вас.

Чу Янь распахнул глаза. Неужели Линь Цзиньчжи всё это время помнил об этом?

Убийцы на мгновение замешкались, но всё же бросились в атаку. Лишь когда вошёл Янь Фэн, Чу Янь смог выкрикнуть:

— Схватить их!

Когда в комнате снова зажгли свечи, оказалось, что удар мечом пришёлся вскользь, но Линь Цзиньчжи потерял много крови. Он не был воином и сразу потерял сознание.

— Янь Фэн, быстро зови лекаря!

— Слушаюсь.

Чу Янь посмотрел в другую сторону и, побледнев, пополз к Хань Чжэну.

— Хань Чжэн...

— Я всегда думал, что мой названный брат Чжан Вэнь... погиб по вине Вашего Величества, что его разорвали на части и не дали даже похоронить... Кхе-кхе... Как жаль, что я понял это лишь в конце. — В груди Хань Чжэна kloкотала кровь, он увидел покрасневшие глаза Чу Яня и вдруг улыбнулся. — Ваше Величество, разве я не глуп?

— Нет, — голос Чу Яня дрогнул.

У Хань Чжэна не осталось сил говорить, жизнь и кровь покидали его, тело становилось всё

холоднее.

— Ваше Величество, вы не могли бы подойти ближе?

Чу Янь исполнил просьбу, наклонившись ниже. Окровавленная рука Хань Чжэна дрожа коснулась лица Чу Яня.

На щеке императора расцвёл кровавый цветок.

— Я хотел бы спеть для Вашего Величества ещё раз.

— Не говори, ты потерял много крови, — голос Чу Яня дрожал.

Из-за большой потери крови Хань Чжэн почти ничего не слышал. Он тихо запел сам:

— Горы есть деревья, деревья есть ветви, сердце любит тебя, но ты не знаешь...

Это была песня, которой научил его Чу Янь, изначально предназначенная для Линь Цзиньчжи. Теперь, слушая её, Чу Янь чувствовал, как от боли становится трудно дышать.

— Дядюшка, не пой...

В ночной тишине голос Хань Чжэна становился всё тише, глаза его перестали видеть. Он чувствовал лишь тёплые капли на своём лице и спросил:

— Ваше Величество, вы плачете?

Его голос растворялся в ночи.

— Я... я, кажется, понял смысл этих слов.

Вскоре всё стихло, и рука, касавшаяся лица Чу Яня, безжизненно упала.

— Горы есть деревья, деревья есть ветви, сердце любит тебя... но ты не знаешь.

Я люблю тебя.

Чу Янь был сломлен. Неужели все, кто искренне любил его, обречены на гибель?

Ему стало холодно, так холодно, что зубы стучали, и хотелось прижаться к кому-то.

Но вокруг не было никого, кому он мог бы доверять, и Чу Янь обнял тело Хань Чжэна, пытаясь согреться.

— Хань Чжэн...

Чу Янь звал его по имени, и слёзы катились по его щекам.

Янь Фэн вошёл с лекарем:

— Ваше Величество, лекарь здесь.

— Сначала осмотри Линь Цзиньчжи.

— Слушаюсь.

Лекарь принялся оказывать помощь Линь Цзиньчжи, а Чу Янь всё не выпускал тело Хань Чжэна, холодно спросив:

— Где убийцы?

— Приняли яд, похоже, это были смертники.

— Выяснить, чьи это люди.

Янь Фэн опустил на колени, медля с ответом.

Чу Янь посмотрел на него:

— Почему не отвечаешь?

Голос Янь Фэна был спокоен:

— Я уже знаю, чей это клан.

— ...Чей?

У Линь Цзиньчжи появилось дурное предчувствие, особенно после взгляда, который бросил на него Янь Фэн. Когда прозвучали два слова, сердце Линь Цзиньчжи ушло в пятки.

— Клан Линь.

Дыхание Линь Цзиньчжи сбилось:

— Ваше Величество, это не я...

Чу Янь опустил тело Хань Чжэна и, шатаясь, подошёл к Линь Цзиньчжи:

— Линь Цзиньчжи, сколько ещё ты будешь Меня обманывать? В этой поездке тебя не должно было быть! Как ты оказался здесь?!

Когда двое убийц замешкались, увидев его, и даже не попытались убить Чу Яня, Линь Цзиньчжи всё понял.

Услышав вопрос, он не смог вымолвить ни слова.

Это был его отец.

Линь Цзиньчжи опустил голову, ожидая наказания. Но когда он поднял взгляд, то увидел Чу Яня, залитого слезами.

Он никогда не видел, чтобы тот плакал, а тем более так горько.

Сердце Линь Цзиньчжи сжалось от боли.

Чу Янь пошатнулся и выплюнул кровь.

Линь Цзиньчжи подхватил его, вспомнив слова лекаря, и его лицо стало белее мела.

— Забудьте о моих ранах, лекарь, осмотрите Ваше Величество! Осмотрите его!

Чу Янь впал в беспамятство, у него начался жар, и он не приходил в себя три дня.

Его тело и так было слабым, а после такого потрясения он совсем не хотел просыпаться.

Линь Цзиньчжи корил себя за то, что не объяснился сразу, за то, что пытался выгородить отца, заставив Чу Яня снова поверить в его предательство.

Пока Чу Янь был без сознания, Линь Цзиньчжи своими глазами видел, как закрывают гроб Хань Чжэна.

— Это моя вина... — голос Линь Цзиньчжи охрип. Хань Чжэн был не только тем, кто пользовался доверием императора, но и его близким другом.

Маркиз Линь хотел убить тех, кого он любил и кого называл другом.

Линь Цзиньчжи принял решение. Вернувшись в дом семьи Линь, он забрал всю власть у маркиза Линь и с тяжёлым сердцем отправил отца в загородное поместье.

— Цзиньчжи, отец делал это ради тебя, ты не можешь...!

— Довольно! — Линь Цзиньчжи достал небольшую книжицу. — Тогда скажи мне, как ты мог всё это предвидеть?

<http://bllate.org/book/22166/2309064>